

Потто Василий Александрович

**Осада и штурм Ахалцыха.
1828 г: Отрывок из книги
"Кавказская война в
отдельных очерках, эпизодах,
легендах и биографиях"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Александрович П.**
Осада и штурм Ахалцыха. 1828 г: Отрывок из книги "Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях" / Потто Василий Александрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 42 с.

ISBN 978-5-519-79377-3

ISBN 978-5-519-79377-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

казенныя зданія, домъ паши и главная ахалцыхская мечеть, при которой имѣлась одна изъ богатѣйшихъ библіотекъ мусульманскаго востока. Нужно сказать также, что въ крѣпости имѣли право жить только магометане и что поѣтому она была вполне гарантирована отъ измѣны чуждаго ей населенія.

Окружая съ трехъ сторонъ крѣпость и непосредственно примыкая къ стѣнамъ ея, раскидывался обширный городъ, доходившій своими крайними предѣлами почти до самой рѣки. Главная сила Ахалцыха и заключалась не въ крѣпости, а именно въ этомъ городѣ, съ его 25-ю тысячнымъ населеніемъ. Наружная оборона его состояла изъ четырехъ бастіоновъ, соединявшихся между собою толстымъ сосновымъ палисадомъ, въ которомъ въ нѣсколько рядовъ прорублены были бойницы. Этотъ палисадъ имѣлъ семь аршинъ высоты и былъ такъ проченъ, что не только ядра батарейныхъ орудій не могли произвести въ немъ никакого поврежденія, но даже снарядамъ осадной артиллеріи рѣдко удавалось свалить вертикально поставленныя бревна. Эскалада подобнаго палисада была въ высшей степени затруднительна, такъ какъ атакующему, взойдя на него, приходилось спрыгивать внизъ, съ высоты болѣе двухъ саженой прямо на штыки непріятеля.

Но и при всемъ томъ овладѣть палисадомъ еще

далеко не значило приблизиться къ покоренію города. Передъ штурмующими воздвигался рядъ новыхъ препятствій, созданныхъ и людьми и самою природою. Два глубокіе оврага раздѣляли всю городскую площадь на три неровныя части. Одинъ изъ нихъ тянулся съ сѣвера въ прямомъ направленіи и затѣмъ круто поворачивалъ на западъ, стѣбая подошву горы Кая-дага, другой — разрѣзывалъ городъ по діагонали отъ сѣверо-запада на юго-востокъ и упирался почти въ самую рѣку. Между этими оврагами, въ обширномъ треугольникѣ, и обитало все коренное мусульманское населеніе Ахалцыха; въ остальныхъ частяхъ города — за оврагами, и у сѣверной окраины жили исключительно евреи и армяне-католики. На пути движенія войскъ, какъ сосредоточіе всѣхъ силъ и средствъ обороны, еще лежалъ громадный мусульманскій городъ, замкнутый двумя оврагами. Тамъ на пространствѣ квадратной версты, среди страшно изрытой буграми и ямами мѣстности, въ хаотическомъ беспорядкѣ разбросано было до пяти тысячъ домовъ; не было тамъ ни площадей, ни улицъ, и городскія жилища, висѣвшія одни надъ другими, едва раздѣлялись небольшими переулками, которые и составляли, подобно узкимъ горнымъ тропинкамъ, внутренніе пути сообщеній. Всѣ вообще дома построены были здѣсь въ два яруса съ плоскими

крышами, представлявшими собою возвышенныя террасы, и каждый домъ, взятый отдѣльно, могъ уподобиться небольшому, но крѣпкому замку.

Надъ всѣми этими домами и зданіями, почти на краю сѣвернаго квартала, возвышалась замѣтная своею архитектурою и древностію католическая армянская церковь, съ высокимъ и узкимъ куполомъ, со стрѣльчатыми окнами и съ цѣлымъ лабиринтомъ темныхъ и узкихъ коридоровъ внутри. Только этотъ пунктъ да еще башня Кая-дага изъ всѣхъ городскихъ построекъ и равнялись высотой съ верхомъ самой крѣпости. Остальной городъ лежалъ внизу и крѣпость командовала имъ настолько же, насколько цитадель командовала самою крѣпостью. Такимъ образомъ, ахалцыхская оборона располагала огнемъ въ три яруса: первый составлялъ городской палисадъ съ его бастіонами, второй — стѣны крѣпости, и самый верхній — цитадель. И не легко было штурмующимъ войти по этимъ тремъ ступенямъ, чтобы снять съ цитадели турецкое знамя. Это прекрасно знали и сами турки. Они говорили: «Прежде надо снять мѣсяцъ съ неба, а потомъ уже луну съ ахалцыхской мечети».

Русскимъ войскамъ предстояло теперь показать, что можно снять луну съ ахалцыхской мечети, не заботясь о мѣсяцѣ въ небѣ.

Необычайно энергично повелись осадныя работы.

Скоро громадныя осадныя батареи открыли убійственную канонаду. Крѣпость обложили со всѣхъ сторонъ, и всѣ ея сообщенія прервали. На вторичное требованіе сдачи турки, несмотря на разрушительныя слѣдствія осады, отвѣтили восточной фразой: «одна сабля раздѣляетъ насъ». Тогда въ одну ночь на 13-е августа построили новый редутъ въ 130 саж. отъ городского палисада. Огонь осаждающихъ сталъ еще удачнѣе и убійственнѣе. Положеніе города съ каждымъ днемъ становилось безнадежнѣе; но гарнизонъ все же оставался многочисленнѣе осаждающаго корпусъ, и вся возможность покоренія крѣпости штурмомъ могла основываться только на безпримѣрной отвагѣ кавказскаго солдата. Русскіе надѣялись, что значительное христіанское населеніе Ахалцыха облегчитъ осаду внутреннимъ междуусобіемъ; теперь стало извѣстнымъ, что Кіосъ-паша принялъ свои мѣры и обезоружилъ всѣхъ находившихся въ городѣ и грузинъ, и армянъ. А тѣ немногіе, которые съ величайшею опасностью успѣвали прокрадываться въ русскій лагерь, подтверждали только вѣсть объ отчаянной рѣшимости ахалцыхскихъ турокъ драться до послѣдняго. Между тѣмъ продовольствіе въ русскихъ войскахъ начинало истощаться, ходили слухи о движеніи изъ Арзерума къ Ахалцыху новыхъ секурсовъ. При такихъ условіяхъ нужно было какъ можно скорѣе покончить

съ упрямую крѣпостью, и Паскевичъ рѣшился взять ее штурмомъ.

Передъ вечеромъ, 14-го августа, объѣзжая по обыкновенію лагерь, Паскевичъ остановился у Ширванскаго полка и, поздоровавшись съ людьми, сказалъ:— «а завтра, братцы, городъ надо взять!»

«Возьмемъ, ваше сіятельство!»—отвѣчали ширванцы съ такимъ единодушіемъ, что полковникъ Бородинъ тутъ же просилъ Паскевича предоставить полку славу и опасность первой атаки.

Штурмъ предполагено было начать 15-го августа, въ день Успенія Пресвятой Богородицы, въ четыре часа пополудни. Мысль штурмовать сильную крѣпость среди бѣлаго дня могла показаться слишкомъ отважною. Но Паскевичъ поступилъ такъ, руководствуясь указаніемъ опыта. Предшествовавшіе штурмы Карса и Ахалкалакъ были на разсвѣтѣ, и они-то пріучили турокъ къ усиленію осторожности именно въ это время. Въ продолженіе всей осады Ахалцыха турки собирались по ночамъ къ палисадамъ, а съ наступленіемъ утра расходились по домамъ и кофейнямъ, оставляя у стѣнъ лишь небольшіе караулы. На этомъ и построилъ свои расчеты Паскевичъ.

Кровавый день ахалцыхскаго штурма, совпавшій съ праздникомъ Успенія Пресвятой Богородицы, особенно чествуемымъ русскимъ народомъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ полковаго праздника

Ширванскаго пѣхотнаго полка. Несмотря на предстоявшій бой, въ русскомъ лагерѣ своимъ чередомъ совершались обычные церемоніи. Въ Турціи, какъ и на родинѣ, ширванцы начали день молитвою, а потомъ, по окончаніи парада, солдатамъ былъ устроенъ праздничный обѣдъ, а офицеры отправились къ полковому командиру на закуску. Закусывали на этотъ разъ по походному, чѣмъ Богъ послалъ; «однако—говорить одинъ современникъ—подъ конецъ явилось шампанское, и близость боя нисколько не помѣшала бивачному веселью».

Въ три часа пополудни всѣ генералы и частные начальники собрались къ главнокомандующему за полученіемъ послѣднихъ приказаній. Въ исходѣ четвертаго часа, когда обыкновенно производилась въ траншеяхъ смѣна рабочихъ и прикрытія, штурмовыя колонны стали въ ружье. Паскевичъ еще разъ объѣхалъ войска и отправился на сѣверную высоту, откуда могъ лучше слѣдить за ходомъ начинавшагося боя.

Прошло еще съ полчаса, —и вотъ, подъ громъ сильнѣйшей канонады, загорѣвшейся въ эту минуту по всему протяженію осадныхъ батарей, два баталіона Ширванскаго полка, съ распущенными знаменами и музыкой, вышли изъ редута и двинулись къ брешь-батарей, откуда имъ предстояло идти на приступъ.

Привыкшіе видѣть въ этотъ часъ смѣну рабочихъ, турки спокойно смотрѣли на движеніе войскъ, никакъ не ожидая, что это движеніе — начало грознаго штурма. Утомленные вѣчной бдительностью у палисадовъ, турки, какъ всегда, съ утра разошлись по домамъ, а при батареѣ на атакуемомъ бастионѣ осталось только 60 человекъ. Но эти 60 храбрецовъ, какъ увидимъ дальше, сумѣли постоять за себя.

Когда ширванскіе баталіоны вышли изъ-за брешь-батареи, Бородинъ командовалъ «пѣсенники впередъ!»

Ой, во полѣ липанька стояла...

затянули ширванцы и подъ эту задушевную народную пѣсню двинулись къ проломамъ полуразбитаго бастиона. Впереди шли двѣсти человекъ охотниковъ, — лучшіе люди выбранные изъ полка и предводимые храбрымъ майоромъ Рыдзевскимъ. Этотъ Рыдзевскій, старый ширванецъ ермоловскихъ временъ, до настоящаго дня состоялъ при главной квартирѣ Паскевича въ скромномъ званіи смотрителя походныхъ госпиталей. Давно уже лишенный счастья раздѣлять боевыя опасности съ своими товарищами, онъ выпросился у Паскевича на штурмъ Ахалцыха и получилъ въ команду охотниковъ. Къ нему присоединились волонтерами лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Дикъ, Бѣлгородскаго уланскаго

полка поручикъ Анненковъ и Серпуховскаго—корнетъ Абрамовичъ.

Баталіоны подходятъ къ крѣпости все ближе и ближе. Мелодичная пѣсня смѣнилась уже веселымъ русскимъ мотивомъ: «Не будите меня молодую ранымъ рано поутру» — гремитъ хоръ, а ему вторятъ рожки, звенятъ тарелки, громяхаютъ бубны. Крѣпость молчитъ; но тѣмъ тревожнѣе бьются сердца въ ожиданіи рокового залпа, тѣмъ страшнѣе смотрятъ изъ своихъ амбразуръ широкія жерла турецкихъ пушекъ. Вотъ, обѣ ширванскія колонны поднялись уже по отлогости холма на половину высоты противъ рокового бастіона. «Выгоняйте вы скотину на широкую долину» — весело заливаются пѣсенники. И вдругъ грянулъ страшный, убійственный залпъ. Передніе ряды ширванцевъ повалились, какъ скошенные. Подпоручикъ князь Бачнадзе 3-й и 20 нижнихъ чиновъ были убиты наповалъ. Въ отвѣтъ на это грянуло «ура» — и какъ неудержимыя волны хлынули охотники въ открывшіеся передъ ними проломы. Полковой барабанщикъ Головченко первый вскочилъ на бастіонъ и ударилъ тревогу почти въ самомъ кругу ошеломленныхъ турокъ. За нимъ вошелъ штабсъ-капитанъ Разнатовскій, потомъ—поручики Дикъ и Вачнадзе 1-й. Бастіонъ моментально былъ взятъ. Храброе, но мало-численное прикрытіе его ни шагу не подалось на-

задъ, и геройски пало подъ штыками русскихъ. Нѣсколько знаменъ, стоявшихъ на бастіонѣ, и три орудія, облитыя кровью своихъ защитниковъ, были первыми трофеями ахалцыхскаго приступа. Разнатовскій и Дикъ—герои этого штурма—были вынесены ранеными. Разнатовскому двѣ пули прострѣлили обѣ ноги навывлетъ, раненый Дикъ былъ окруженъ непріятелемъ и только обязанъ спасеніемъ своей жизни унтеръ-офицеру Водницкому (изъ разжалованныхъ декабристовъ), который вырвалъ его изъ рукъ непріятеля и вынесъ на своихъ плечахъ изъ боя. Между тѣмъ подоспѣвшая сюда піонерная рота быстро принялась рубить палисадъ, чтобы открыть свободный входъ штурмовымъ колоннамъ. Но пока кипѣла работа, полковникъ Бородинъ и прапорщикъ Пуцинъ, не выждавъ конца ея, перескочили частоколъ и увлекли за собой ширванцевъ, Теперь войска очутились въ городѣ, на узкомъ и тѣсномъ перешейкѣ, съ двухъ сторонъ очерченномъ крутыми оврагами. Прямо передъ ними гордо возвышалась старинная католическая церковь, закрывавшая собою дальнѣйшій входъ въ центральную часть города. Взять этотъ костелъ являлось безусловною необходимостью; но предварительно нужно было очистить овраги, изъ-за которыхъ уже начался убійственный перекрестный огонь. 1-й баталіонъ Ширванскаго полка, подъ командою подполковника

Юдина, немедленно сталъ пробиваться вправо; 2-й — подполковника Овечкина — влѣво; колонна охотниковъ осталась въ центрѣ противъ самаго костела, связывая своею густою цѣпью фланги обоихъ баталіоновъ.

Въ это время турецкій резервъ, спокойно отдыхавшій внутри католической церкви, выскочилъ на тревогу и бросился было на защиту уже потерянной бреши, но встрѣченный дружнымъ залпомъ охотниковъ, онъ тотчасъ же подался назадъ и укрылся обратно въ церковь. Вѣсть, что русскіе взяли свѣрхверный бастионъ и что они уже въ городѣ, съ быстротою молніи распространилась по всемъ закоулкамъ Ахалцыха и черезъ нѣсколько минутъ весь городъ уже былъ на ногахъ. Вскликая отъ сна, бросая обѣдъ и кофе, вооруженные жители опрометью бѣжали изъ домовъ на помощь къ резерву. По главной улицѣ, ведущей отъ крѣпости къ пролому, послѣдно двигались турецкія колонны. И вотъ, вся эта масса враговъ, обезумѣвшая отъ неожиданности и отчаянія, лицомъ къ лицу столкнулась съ ширванцами. Первый ударъ долженъ былъ вынести центръ, гдѣ стояла густая цѣпь охотниковъ, съ которыми былъ въ этотъ моментъ и самъ Бородинъ. Съ горстью людей, долго и упорно держался онъ; но видя, что устоять нельзя, потребовалъ къ себѣ на помощь 2-й баталіонъ, а 1-му